

Б.Ф.Мартынов

Криминалитет и социальные протесты: по следам «бразильского феномена»

Массовые демонстрации в Бразилии весны и лета 2013 г. заставили автора задуматься о связи «бразильского феномена» с феноменами аномии, роста преступности и коррупции в так называемых восходящих странах.

Ключевые слова: протесты «нового типа», Бразилия, неолиберальная доктрина, аномия, преступность.

Из всех латиноамериканских стран, социальная жизнь которых в последние годы ознаменовалась ростом преступности*, наибольший интерес для нас, пожалуй, представляет Бразилия. Не только потому, что это — седьмая экономика мира, а ее население насчитывает уже свыше 200 млн человек. Опыт Бразилии, которая в преддверии событий мирового значения — Чемпионата мира по футболу 2014 г. и Олимпийских игр 2016 г. решила предпринять ряд практических шагов по введению «зашкаливавшей» все последние годы преступности в «приемлемые» для общества рамки, чрезвычайно важен для нашей страны, которая также будет проводить футбольный чемпионат в 2018 г.

При существенной разнице между нашими странами в доходах на душу населения, уровне образования и прочее в России, тем не менее, есть схожие по характеру социальные проблемы, на фоне которых рост коррупции,

---

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (b.martynov@mtu-net.ru).

* На страны Латинской Америки приходится чуть более 8% мирового населения, однако там совершается 27% всех преднамеренных убийств в мире. Из 20 стран с самыми высокими показателями в этой сфере 10 находятся в Латинской Америке. По экспертным данным, 40 из 50 городов мира с самым высоким уровнем насилия также сосредоточены в этом регионе. По информации ООН, список государств с наибольшим количеством убийств в 2012 г. возглавил Гондурас (90,4 на 100 тыс. человек). Бразилия по этому показателю заняла девятое место в мире (25,2). Среднеевропейский уровень был зафиксирован в районе 5, российский — 10,2. — <http://www.infolatam.com/2014/04/10america-latina-la-region-con-mas-homicidios-del-mundo-onu/>

наркомании и преступности — закономерное явление. «Шоковая терапия» и в Бразилии, и в нашей стране, вкупе с последствиями внедрения неоллиберальной экономической модели в 90-е годы, с разной силой, но достаточно «уверенно» опустили жизненный уровень населения обоих государств и ударили по психологии людей, сместив многие моральные акценты, поляризовав существовавшие до тех пор оценки и мнения.

Потерю человеком морально-психологической опоры как следствие потери им работы, жизненного статуса, адекватной самооценки и т.д., наверное, следует признать одним из главных факторов роста преступности в обществах, которые основаны на приоритетах *межличностного, коллективистского общения* (это так называемые полиактивные культуры), каковыми являются российское и бразильское.

«Психологическую мотивацию» как следствие «внезапного обеднения подавляющего большинства российского общества в 90-е — начале 2000 годов» (и, добавим от себя, — результат столь же внезапного крушения у людей *веры* в свою страну и в провозглашавшиеся ею *идеалы*) авторы исследования «Демографические перспективы России» считают первопричиной экспоненциального роста преступности и, соответственно, смертности в России за последние годы. Так, в результате убийств, совершенных в 1996—2006 гг., смертность трудоспособных мужчин выросла по сравнению с предыдущим десятилетием вдвое, женщин — на 29,5%, смертность от «повреждений с неопределенными намерениями» — соответственно в 3,4 и 2,8 раза¹. Поэтому нам представляется неслучайным наличие в доктринах и концепциях безопасности таких латиноамериканских стран, как Бразилия, Аргентина, Чили, Венесуэла, Перу, Мексика и других, отсылок к проблематике социально-экономической безопасности в сочетании с вопросами «национально-культурной идентичности» и сохранения «достоинства» нации в целом и отдельной личности в частности.

Что касается Бразилии, то при общем (в разы!) росте криминогенной ситуации и там, и в России в «благословенные» 90-е положение с преступностью в латиноамериканской стране изначально все же было более драматичным, учитывая существование вокруг многих крупных бразильских городов поясов фавел, население которых привыкло жить по криминальным «понятиям». В этом смысле можно считать, что преступность в России стартовала с более низкого уровня.

Власть в фавелах, этих своеобразных «государствах в государстве», доступ в которые представителям правоохранительных органов всегда был затруднен, если не смертельно опасен, до самого последнего времени принадлежала бандформированиям «командос», основным занятием которых были наркотрафик, грабежи, вымогательство, подкуп должностных лиц, незаконный игорный бизнес, контрабанда оружия, золота и драгоценных камней, проституция. Стоявшие во главе «командос» главари — «кабос» — единолично насаждали жестокую дисциплину, определяли «распорядок дня» и быт обитателей фавел.

Попытки «разом» исправить ситуацию, предпринимавшиеся в 90-е годы, лишь многократно усугубляли ее. Введение в фавелы вооруженных отрядов полиции и (неоднократно) армии, насилие и произвольные аресты лишь озлобляли их обитателей, создавая ситуации, когда ответное насилие в виде массовых грабежей, убийств и поджогов фонтанировало на улицах

Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло, Салвадора и Ресифи. К тому же длительное пребывание представителей силовых структур в фавелах приводило к эффекту, обратному желаемому: они сами начинали активно включаться в цепи производства и распространения наркотиков.

С приходом к власти в 2003 г. Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT) во главе с президентом Луисом Инасиу Лула да Силва ситуация впервые за многие десятилетия начала меняться к лучшему. Серия «связанных» социальных реформ позволила к 2012 г. вывести из состояния бедности около 30 млн человек и сформировать из них так называемый новый средний класс². Еще раньше стали предприниматься инициативы по созданию реальных жизненных альтернатив для молодежи из фавел, которая до этого не видела для себя других жизненных перспектив, кроме как следовать проторенным путем отцов и дедов. В фавелах стали открываться современные школы, строиться футбольные и баскетбольные арены, бассейны, объекты досуга и инфраструктуры. Для молодых «фавелудос» начали организовываться бесплатные курсы профессионального обучения, а для предпринимателей, принимающих их на работу, были введены существенные налоговые льготы (например, программа «Primeiro emprego» — «Первая работа»). Вслед за этим закономерно последовали социальные сдвиги: структура бразильского общества постепенно начала меняться.

Но май и июнь 2013 г. выдались в Бразилии «жаркими» и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Практически все международные и местные аналитики оказались повергнуты в ступор массовыми социальными протестами, которые «неожиданно» захлестнули эту страну, еще недавно демонстрировавшую завидную социальную стабильность, уверенные темпы роста и почти полную занятость населения. Непонятным было не только их появление, казалось бы, на пустом месте*. Непонятны были и требования митингующих, которые призывали отказаться от проведения Чемпионата мира по футболу (это в «футбольной»-то стране!) и Олимпийских игр и «разово» покончить с коррупцией, преступностью, социальной несправедливостью и другими проблемами. Конечно, резон для таких выступлений был. Чрезмерные, по мнению их участников, затраты на ЧМ-2014 на фоне проблем в сфере образования, здравоохранения и общественного транспорта вызывали закономерное негодование. Однако оставался открытым один вопрос, на который никто не мог дать вразумительного ответа. Почему такого не было *раньше*? Ведь с этими проблемами Бразилия научилась сосуществовать уже давно. Почему именно *сейчас*, когда они худобедно начали решаться? И откуда такой поистине *глобальный* по своему объему запрос на перемены, которые включали в себя даже реформу государственного управления? Пожалуй, лучше всего настроения манифестантов отражал транспарант, на котором его автор написал следующее: «Здесь не хватит места, чтобы изложить все мои требования»³.

Пытаясь ответить на эти вопросы, бывший президент Бразилии, а ныне сенатор от Партии бразильского демократического движения (Partido do

---

* Принять за реальную основу «первопричину» этих протестов — повышение платы за проезд на городском общественном транспорте на 20 сентаво (0,07 евро) — было трудно, тем более, что протестовали в основном, представители среднего класса, имеющие личный автотранспорт.

Movimento Democrático Brasileiro, PMDB) Жозе Сарней прямо связал между собой две, на первый взгляд, далекие друг от друга проблемы: городской *транспорт и преступность*. «78% бразильцев — писал он, — утром покидают дома, сознавая риск пасть жертвами преступников. Поэтому все, кто могут, покупают автомобили, но их количество (а сегодня оно почти удвоилось!) создает гигантские пробки на улицах больших городов. Остальные по-прежнему пользуются автобусами. И дело тут не в повышении тарифа на 20 сентаво и даже не в нищенской зарплате водителей. В огромном 21-миллионном городе (если взять, например, Сан-Паулу) автобусы тянутся в пробках со скоростью 18 км в час, заставляя людей часами дышать выхлопными газами и тратить на дорогу большую часть своего свободного времени».

Но Ж. Сарней не ограничился констатацией этого факта, а попытался заглянуть глубже и проследить связь между ростом материального благосостояния и *качеством жизни* бразильцев. По его мнению, в Бразилии эта связь оказалась разорвана, поскольку «в погоне за материальными ценностями мы пожертвовали качеством жизни». Бывший президент сослался при этом на мнение министра по вопросам окружающей среды Японии, который однажды позволил себе задать вопрос: а связана ли хоть как-то борьба за увеличение ВВП с понятием «счастье»?⁴ Как бы то ни было, но приходится согласиться с Сарнеем в том, что так называемый бразильский феномен нуждается в более глубоком изучении. А учитывая схожесть двух наших стран, это представляется актуальным вдвойне.

Для начала следует отметить, что «бразильский феномен» отнюдь не эксклюзивен. Похожие процессы (с теми или иными отличиями) происходили и продолжают происходить в целом ряде стран, социально-экономические показатели которых, казалось бы, не должны были вызывать особых опасений (Тунис, Ливия, Турция, Египет, Таиланд), что сразу же делает неадекватной всю нашу методику объяснения социальных сдвигов, привычно «танцующую» от экономической «печки». Пример массовых выступлений в Москве весной 2012 г., которые также не имели под собой веской экономической подоплеки, в этом смысле показателен. Но можно ли здесь списывать все только на «происки спецслужб США» или на некие иррациональные начала в человеческой психологии, заставившие многих бразильцев поспешить с парадоксальным выводом: «Все прошедшее десятилетие мы были несчастны, *но не знали об этом*»?

«Бразилия все последние годы была такой стабильной, что становилось скучно», — отмечала «Financial Times»⁵. Не в этом ли подлинный «секрет» бразильского (да и других стран) «феномена»? Тогда нам снова придется вернуться к вечной истине: «Не хлебом единым жив человек». Неслучайно на Международной конференции по BRICS, которая проходила в мае 2014 г. в Рио-де-Жанейро, в докладе, посвященном краху неолиберальной экономической модели в Латинской Америке, прозвучало, что «один только рост ВВП не может считаться универсальным мерилем развития человеческих обществ»⁶.

А как же тогда знаменитые бразильские «зрелища» — футбол и карнавал? А тут еще и Олимпиада грядет. Неужели всего этого *уже мало* для того, чтобы заполнить образующийся в головах «вакуум»? Наверное. Ведь появляющиеся один за другим все новые и новые изыски в поставленной на поток индустрии развлечений стали восприниматься людьми уже как нечто

естественное. Изменения в социальном составе населения большинства государств планеты и появление новой страты образованных молодых людей со средневысоким уровнем достатка, активно подключенных к миру через Интернет, привело к тому, что старые, испытанные «выпускные клапаны» социальной активности перестают давать желаемый эффект. «Релакс» стал явлением обыденным и повсеместным, да так, что сплошь и рядом возникает элемент привыкания. А когда в достатке и «хлеба», и «зрелищ», то всегда хочется чего-то другого*. Как тут не вспомнить слова Патрика Бьюкенена о том, что лучшие средства от скуки — секс, наркотики и революция. В «волшебной» триаде Бьюкенена только один элемент — секс — потенциально конструктивен. Остальные два однозначно деструктивны. И это стоит взять на заметку не только в Бразилии.

То, что проблема «новых социальных феноменов» требует глубокого изучения и максимальной конкретизации, не может вызвать сомнений. При всем различии страновых характеристик нам представляется, что в их основе лежат две серьезные причины. Во-первых, «аномия», как определенная французским социологом Эмилем Дюркгеймом ситуация потери людьми (особенно, молодыми) базовых жизненных ценностей и ориентиров, и, во-вторых, тесно связанная с ней *криминализация общественной среды*.

В Бразилии в условиях аномии, когда понятие «смысл жизни» в полиактивной среде стал вытесняться культом материального успеха, «молодежь склоняется к выбору насильственных решений, нападает на банки, сжигает автобусы и пригородные поезда, забрасывает камнями церкви»⁷. К сожалению, аномия еще очень мало изучена в науках об обществе. Однако и в Бразилии, и в России, да и в других странах к этому состоянию медленно, но верно приводит не критичное восприятие таких «ценностей», которые ослабляют традиционные семейные скрепы, нарушают представления людей о «цене успеха», о «допустимом» и «недопустимом», о «правах» и «обязанностях». Таких, которые подрывают доселе мало подверженные переменам нормы морали и нравственности. А все это в совокупности ослабляет государство с его правоохранительной функцией.

«Взрывной» рост активности криминальных организаций — пандемия преступности — стал следствием ослабления института государства как в Бразилии, так и в России в период 90-х — 2000-х годов.

Вряд ли для кого-то станет открытием тот факт, что такое ослабление было заранее запрограммировано неолиберальной** идеологией с ее ло-

---

* Времена меняются, в отличие от природы человека. «А, правда, *веселое* это дело, революция?», — спросил у комиссара Балтийского флота И.П. Флеровского неизвестный матрос, которого тот с трудом отогнал от носового орудия эсминца «Забияка», стоявшего на якоре рядом с «Авророй» на Неве достопамятным утром 26 октября 1917 г. Тот безо всякого приказа собирался «шмальнуть» по Исаакию, откуда, «как он слышал от одной тетки», «юнкеря» готовились стрелять по революционному народу. «Жаль, уж больно прицел хорош!», — услышал в ответ комиссар. Но глаза матроса при этом «светились от счастья». (И.П. Ф л е р о в с к и й. Большевикский Кронштадт в 1917 году. Л., 1957, с. 107—108.)

** Хотя почему «нео»? В чем ее принципиальная новизна? Либеральная идея — это прямое продолжение теории Жан-Жака Руссо (XVIII в.) о «прекрасном дикаре», попавшем в рабство государственной машины. То, что освобождение от внешнего гнета освобождает творческие силы человека, доказано давно. Но кто и когда доказал, что человек по своей природе изначально так хорош, чтобы освобождать его от *всякого* общественного контроля?

зунгом «Меньше государства!». В полиактивных социумах, таких как российское и латиноамериканское, роль государства в экономической, социальной и культурной жизни традиционно была весьма высока (отсюда, кстати, и такая популярность у нас левых, государственных по своей сути, идей). В этом их принципиальное отличие от моноактивных обществ, делающих ставку на личную активность *индивида*, который либо «пробьет» по жизни сам (т.н. «американская мечта»), либо станет изгоем или просто погибнет. Некоторые российские авторы вообще считают, что «конкуренция, индивидуализм и невмешательство государства в экономику не принимаются людьми, противоречат исконным российским традициям»⁸.

«Ломка» 90-х годов, крушение былых идеалов и смещение акцентов в личной и общественной жизни людей в полиактивных культурах, к которым, по мнению известного специалиста по межкультурным коммуникациям Ричарда Льюиса, относятся российская (славянская), латиноамериканская, арабская и южноевропейская, привели к появлению особых феноменов, которые, на наш взгляд, можно считать оборотной стороной аномии. Это — феномен «завышенных ожиданий», когда люди, получившие возможность потреблять и обуреваемые только одним желанием — потреблять еще больше, негодуют, если этот процесс прерывается на самом интересном месте. Тогда они считают себя вправе требовать бесконечного «продолжения банкета», не считаясь с объективной реальностью.

Другой феномен — это изменение отношения к преступности и преступникам, которые в рамках новых эконоцентричных «ценностей» рассматриваются чуть ли не как «тоже-бизнесмены», действующие в своих «специфических» сферах на основе своих «законных» интересов. Воспитание *сочувствия* к преступникам в СМИ и даже своеобразная *героизация* их на экранах ТВ и мониторах персональных компьютеров стали давно привычными для зрителей большинства тех «современных» государств, которые ни за что не хотят «отстать от времени».

«Безбашенность» и бескомплексность преступников, желающих «всего-то» повысить свое благосостояние, вызывают у людей все большее понимание. А изобретательность и решимость разнообразных «мстителей из народа», стремящихся любыми средствами и, как правило, за рамками закона (!) их покарать, — неподдельное восхищение и желание подражать. Отсюда такая невероятная легкость в отстаивании собственных «прав» с помощью булжника и «коктейля Молотова», отсюда же и неверие в способность государства обеспечивать развитие и правопорядок. «Экономический *логос*, закладывающийся в основу неolibеральной модели, сам по себе легализует аморальность, поскольку преступность и коррупция в этом контексте рассматриваются как часть борьбы за выживание. Идеология, постулирующая примат эффективности над моралью, не препятствует, а, наоборот, содействует преступности», — писал испанский экономист Роберто Веласко⁹.

И, наконец, следует признать справедливость утверждения, что «природа не терпит пустоты». Далеко не все, особенно молодые люди, жаждущие «геройства», готовы соразмерять свои амбиции с «макроэкономическими реалиями». Историческая ошибка так называемой новой России в отношении Украины, да и других стран СНГ, как раз и состояла в том, что слепая вера в «экономические императивы», которые, как предполагалось,

«со временем расставят все по своим местам» (неизжитое наследие марксизма?), не оставляла никаких шансов задуматься над тем, что разрухе в экономике и политике предшествует разруха в головах. А радикалам всех мастей, преступникам, скрывающимся от правосудия, зарвавшимся олигархам, способным ради сверхприбыли пожертвовать сотнями тысяч людей, политикам, готовым положить на алтарь своих идеологических или геополитических схем уже миллионы чужих жизней, только этого и надо было.

Неолиберальная идеология и практика, разоружая государство перед лицом криминалитета, максимально облегчает проникновение последнего во все поры «открытого» общества, чему весьма способствует *массовая компьютеризация населения*.

После некоторого спада интенсивности массовых выступлений в октябре 2013 г. министерство внутренних дел Бразилии занялось изучением возможной связи организованной преступной группировки «Primeiro Comando da Capital» (РСС) — главной криминальной структуры Бразилии, которая имеет ответвления во всех крупных городах, — с организацией протестов. Эта структура серьезно пострадала в результате реформ правительства Л.Инасио Лулы да Силвы, и многие ее «кабос» оказались за решеткой. Однако, согласно собранной МВД страны информации, «кабос», в том числе даже из мест лишения свободы, смогли, пользуясь социальными сетями, отдавать приказания своим подчиненным. Так, накануне первой волны протестов в Сан-Паулу они разослали «циркуляр», призывавший владельцев магазинов и лавок закрывать их и выводить людей на улицу под разными предлогами. По данным газеты «O Estado de S. Paulo», в планы РСС, стремящейся отомстить за потерю прибыльного бизнеса в фавелах, входят убийства нежелательных госслужащих, подключение к легальным политическим процессам с частичной легализацией своей деятельности, и, что немаловажно, — инфильтрация в протестные движения¹⁰. Если судить по многочисленным актам вандализма, которые имели место в ходе выступлений весны и лета 2013 г., такая инфильтрация имеет место.

Распространение цифровых технологий, способствующее созданию горизонтальных сетевых структур криминалитета, с середины «нулевых» обеспечило им невиданные ранее возможности доступа к различным сферам легального бизнеса, а распространение коррупции облегчило проникновение в управленческие структуры на центральном, региональном и муниципальном уровнях. Сегодня в повестку дня все активнее ставится проблема регламентации Интернета, и, в более широком плане, — нахождения адекватного соотношения между неуклонно расширяющимися правами и обязанностями людей. А это по-новому высвечивает вопрос о роли государства в качестве *арбитра* в дискуссии самых разных общественных сил по большинству так называемых философских проблем современного бытия.

В этом контексте призывы к многократному усилению репрессивной функции государства, часто раздающиеся как у нас на Родине, так и в той стране, которую называют «Тропической Россией», думается, контрпродуктивны, если не попросту *вредны*. Так, практически ни в одной из стран Латинской Америки, включая Бразилию, пока не увенчались успехом попытки радикально очистить полицейские службы от коррумпированных сотрудников или привлечь для борьбы с криминалитетом вооруженные силы и добиться искомого результата.

Следует откровенно признать, что коррупция, как явление, *эндемична* для Латинской Америки в связи с ее особой культурно-исторической и социально-экономической спецификой, и во многом роднит ее с Россией (если взять, например, существовавшую на Руси с незапамятных времен систему «кормления»). Когда американский аналитик Питер Хаким говорит о том, что «коррупция — это прямое порождение бедности» с ним, конечно же, нельзя не согласиться. Но он также абсолютно прав, когда констатирует, что за последние 20 лет, несмотря на экономические успехи, сокращение бедности и прочее, латиноамериканский регион «продемонстрировал весьма скромный прогресс в борьбе с коррупцией». «Коррупция — это постоянный и характерный элемент общественной жизни практически всех латиноамериканских стран»¹¹.

После Уругвая, Чили и Коста-Рики Бразилия — четвертая *наименее коррумпированная* страна Латинской Америки. Однако, начиная с 1998 г., ее рейтинг в «Индексе коррупции», который ежегодно составляется международной организацией «Transparency International», почти не изменился, несмотря на очевидные экономические успехи. Начиная с 1992 г. Бразилию с «завидной» периодичностью сотрясают коррупционные скандалы на самых верхних этажах власти (1992, 2005 — 2006, 2014 гг.), которые, несмотря на серьезные политические последствия, все же, надо отдать должное бразильцам, вскрываются, расследуются и не остаются без адекватного ответа*. Однако в том, что касается так называемой бытовой коррупции, практически ничего не меняется.

В чем же дело? Наверное, к этому вопросу стоит подойти более научно, тем более что лозунг борьбы с коррупцией был и на знаменах манифестантов в Бразилии, и в речевках демонстрантов на Болотной площади. Коррупция, чем дальше, тем больше, становится важной частью политического ангажемента. Но что имеет в виду П.Хаким, когда говорит, что отсутствие прогресса в борьбе с коррупцией в Латинской Америке «наводит на мысль о том, что она связана с историей и культурой каждой из этих стран», и чтобы преодолеть ее «понадобится длительная и терпеливая работа»¹²?

Вопрос о *культуре коррупции* слишком важен, чтобы оставлять его на попечение шаблонных формул. Когда специалисты по этике ведения бизнеса считают, что в отличие от представителей моноактивных культур, делающих акцент на *предмете* переговоров, представители полиактивных сосредотачивают внимание на *личности* делового партнера, то этим они частично приоткрывают завесу над общими для нас с Бразилией культурно-психологическими корнями коррупции.

Внесение личностных мотивов в бизнес действительно может предполагать возникновение некой «гаммы чувств», далеко не все из которых будут иметь к нему прямое отношение. «Обычай дачи взятки является здесь вполне приемлемым, учитывая традиционную испанскую готовность по-

---

* Скандал 2005—2006 гг. спровоцировал отставку ряда видных политиков, включая и руководителя администрации президента Лулы — Жозе Дирсеу. Интересна жизненная метаморфоза, произошедшая с этим человеком: от левого радикала и партизана, отвергающего материальные блага во имя «народного счастья», до высокопоставленного коррупционера. После почти восьми лет непрерывных судебных процессов и апелляций 20 человек по этому делу получили реальные тюремные сроки.

мочь имеющему меньше шансы на успех (наша судьба — в руках Бога!) и историческую традицию подношения дани у ацтеков», — говорит о коррупции в Мексике Р. Льюис. «Дилемма для иностранцев не в том, платить взятку или нет, а в ее размере... Мексиканцы знают предполагаемые цены, и было бы благоразумно сначала проконсультироваться по этому вопросу с ними»¹³. Неслучайно в «Индексе коррупции» за 2013 г. и Мексика, и Россия занимают близкие места (соответственно, 106-е и 127-е).

Личностный акцент зачастую оставляет латиноамериканцев (и россиян!) бороться с коррупцией один на один, когда государство как бы самоустраивается от этой проблемы, переводя ее на личный уровень и, фактически, смиряясь с формулой «так было всегда, так будет и впредь». Это отнюдь не значит, что борьба с коррупцией в России и в Бразилии заведомо обречена на неудачу. Это значит только то, что, например, одного повышения зарплат чиновников без борьбы с самой *культурой коррупции* за изменение некоторых национальных поведенческих стереотипов*, будет явно недостаточно. И для России, и для Бразилии такая *культурно-антропологическая* постановка вопроса объективно означает не *ослабление* государства, а, наоборот, его *укрепление* на основе многоуровневого и интегративного подхода к безопасности, который *в равной мере* предусматривает обеспечение *конституционной, социально-экономической, информационно-культурной, психологической, национально-этнической* безопасности личности, общества и государства. В этом смысле часто раздающиеся публичные призывы победить коррупцию (инфляцию, преступность, бедность и т.д.) «одним выстрелом» следует считать, как минимум, необдуманными и популистскими, а, как максимум, — причиняющими немалый вред.

В отличие от одномерно направленного репрессивного подхода к борьбе с коррупцией, интегративный и многоуровневый нацелен на то, чтобы подрывать ее *корни*, предлагая потенциальному преступнику реальные альтернативы социально-экономического, образовательного, спортивного, культурного и иного порядка. Такой подход, однако, и в России, и в Бразилии, еще только зарождается**. А пока что и к той, и к другой стране однозначно применим вывод ежегодного доклада Комиссии ООН по борьбе с наркотиками и организованной преступностью (UN office on Drugs and Crime, UNDOC) за 2013 г. о необходимости «сильных государств, способных реально обеспечивать верховенство закона для всех граждан на всей территории страны, без чего невозможно продвинуться в борьбе с преступностью и исправить неблагоприятную статистику»¹⁴.

То же самое в равной (если не в большей!) степени относится и к проблеме прогрессирующей *наркотизации* практически всех без исключения «современных» обществ. В странах Латинской Америки, которые всегда были производителями либо транзитерами наркотических средств, наме-

---

* Пример из литературы: десяти тысяч Остапа Бендера оказалось недостаточно, чтобы изменить социально-психологический тип Шуры Балаганова, «по привычке» укравшего в трамвае пять копеек.

** Еще в 1998 г. автор обратил внимание на наличие в самом сердце фавелы «Росинья» в Рио-де-Жанейро нескольких отличных футбольных полей с великолепным газоном и прожекторным освещением, на которых и днем, и ночью отработывала футбольные комбинации молодежь из фавелы, вырывая себя из плена комбинаций совсем иного сорта.

тился и укрепился принципиально новый тренд: рост *внутреннего потребления* марихуаны и кокаина. И хотя этим государствам пока еще далеко до уровня потребления США и Канады, в некоторых странах региона он уже сравнялся с европейским¹⁵. Так, по данным Межамериканской комиссии по борьбе с наркотиками (Inter-American Drug Abuse Control Commission, CICAD), потребление марихуаны в Бразилии увеличилось в 2011 г. по сравнению с 2005 на 2,6%, а кокаина — на 0,73%. Эти цифры хоть и бледнеют на фоне роста потребления в США (марихуаны — на 11% и кокаина — на 1,9%)¹⁶, но все равно превращают Бразилию в крупнейшего потребителя наркотиков в Южной Америке.

Что касается России, то здесь рост числа зависимых впечатляет еще больше. По данным председателя Госнарконоконтроля Виктора Петровича Иванова, в нашей стране в 2013 г. насчитывалось 8 млн наркозависимых, 70% из которых — люди моложе 30 лет. Особо тревожная тенденция — рост детской наркомании (11—12 лет)¹⁷.

Императивы комплексной борьбы с наркобизнесом требуют изучения проблемы незаконного распространения наркотиков, прежде всего, *как социального и культурного явления*, которое может быть правильно понято и оценено лишь при условии его рассмотрения в развитии и в связи с другими видами транснациональной оргпреступности и, в первую очередь, — с коррупцией. При этом растущая на глазах *транснационализация* наркобизнеса и его наступательная стратегия во многом связаны с тем, что к традиционным причинам, порождающим это зло (бедность, социальное неравенство, психологическая фрустрация и т.д.), добавляются новые факторы, сопутствующие той экономической, финансовой, торговой, информационной глобализации, которая осуществляется по стандартам общества потребления.

Предпринимавшиеся до сих пор силовые меры по борьбе с контрабандой наркотиков не оправдали себя, в силу чего во всем мире, в том числе и в Бразилии, наметилась тенденция к *декриминализации* наркотиков. Заговорили об этом и в нашей стране. В 2002—2006 гг. в Бразилии были приняты законы, освобождающие от уголовной ответственности лиц, которые имеют небольшие дозы наркотиков для личного потребления. Однако с тех пор число заключенных, осужденных по статьям о наркоторговле, лишь удвоилось. Двухсотмиллионная страна, долгое время считавшаяся «транзитной», стала превращаться в одного из крупнейших потребителей наркотиков. Но это не остановило правительство страны. Был создан специальный комитет, занявшийся пересмотром наркополитики и декриминализацией наркозависимых. Его рекомендации сводились к декриминализации *всех* видов наркотиков, увеличению инвестиций в здравоохранение, регулированию потребления марихуаны для медицинских целей и ее культивирования для личного потребления, расширению программ для молодежи, находящейся в зоне риска, и к проведению обширных медицинских и научных исследований по проблеме наркотиков.

Возможно, такая политика со временем докажет свою большую эффективность по сравнению с дискредитировавшим себя силовым подходом. Но скорее всего лекарство вновь окажется хуже самой болезни. Ведь все дело в том, что на фоне постоянного *увеличения потребления* наркотиков в мире любые меры по борьбе с их производством и распространением выглядят паллиативами. А это есть не что иное, как практическое выражение

«священного» экономического интереса, подкрепленного пропагандой гедонистического образа жизни, когда любое «право» человека (в том числе и право уничтожать себя как *личность*) котируется выше, чем его обязанности перед обществом и перед самим собой.

На фоне искусственного (и кажущегося невероятным в условиях рыночной экономики!) разрыва в связке «спрос — предложение» применительно к наркотической проблеме теряется адекватность ее понимания, а вместе с этим — и всей тяжести ее решения в условиях либеральной доминанты. Принципиальный отказ в раскрытии понимания «свободы» применительно ко времени и месту приводит, как всегда и везде, к печальным последствиям. Помимо видной уже невооруженным глазом прогрессирующей деградации человека и общества на Западе, одностороннее акцентирование борьбы только лишь с «предложением» создает дополнительную напряженность между развивающимися (в данном случае — латиноамериканскими) и развитыми государствами, прежде всего — США, которые настаивают на репрессивных методах борьбы. Однако эти методы (уничтожение посевов коки с помощью химикатов, экстерриториальные полномочия американских агентов по борьбе с наркотиками, понуждение к заключению договоров о выдаче, создание военных баз под вывеской «антинаркотических центров» и т.д.) носят уже не столько антинаркотический, сколько *геополитический* характер, учитывая возможность использования их Вашингтоном в своих региональных и глобальных интересах*.

Последствия роста наркомании в России следует считать даже более драматичными, чем в Бразилии, поскольку высокая *смертность* (в том числе и от злоупотребления алко-, нарко- и пр. *компенсаторикой*) на фоне *критической демографической ситуации* прямо подрывает основы *национальной безопасности страны*. Выводы из этого могут быть неоднозначны. То, что «запретами делу не поможешь», — стало общим выводом для всех тех россиян, которые, так или иначе, извлекли некий опыт из 70-летнего существования СССР. С другой стороны, неготовность общества к переменам, причем столь скоропалительным и радикальным, как это было в конце 80-х, стала предпосылкой развала СССР и провальных 90-х. Очевидно, что в России борьба с преступностью вообще требует более тонкой настройки всех государственных структур с целью максимального преодоления крайностей («все запретить» либо «все разрешить»). На «философском» же уровне, столь любимом представителями академического мира и России, и Бразилии, это будет равноценно признанию очевидного факта: человек по своей природе не хорош и не плох, а так, «что-то где-то посередине».

Особый акцент при этом должен быть сделан на таких факторах *долгосрочного порядка*, как: борьба за повышение уровня общей культуры и образования населения; прекращение пропаганды насилия и прелестей «сладкой жизни» в СМИ; постепенное изменение ценностных предпочтений людей; воспитание молодежи в духе социальной ответственности и здорового образа жизни; неприятие философии индивидуализма, гедонизма и эгоизма, при том, что важность «экономики», борьбы с бедностью и со-

---

* Не стоит забывать, что вторжение войск США на территорию Панамы в 1989 г. и арест Мануэля Норьеги были произведены в одностороннем порядке по решению американского судьи под предлогом борьбы с контрабандой наркотиков.

циально-экономическим неравенством, увеличение занятости и доходов населения не должны ставиться под сомнение. Очевидно, что здесь потребуются совершенно иная, *долгосрочная государственная стратегия борьбы с преступностью* и — что самое главное — конкретные люди, способные ее разработать и воплотить на практике. Нынешняя же стратегия России в сфере образования, нацеленная, по словам бывшего министра образования Андрея Александровича Фурсенко, на формирование «не творцов, а грамотных потребителей», этому, увы, пока не способствует.

Вот на такие мысли навели автора события весны-лета 2013 г. в Бразилии. Разумеется, явления подобного масштаба имеют комплексный характер, и за «бортом» этой статьи осталось несколько важных тем, которые заслуживают особого внимания. Одной из них является заинтересованность США в том, чтобы путем использования новых информационных технологий и тонкой игры на психологии политически незрелого «нового среднего класса» притормозить процесс восхождения BRICS. Однако это явление, довольно очевидное само по себе, является, по мнению автора, не причиной, а лишь следствием конкретных упущений государства в социальной политике, в сфере образования, идеологии и культуры, которое пока еще не может обеспечить адекватного времени *качества жизни* (не путать с подушевым доходом!) населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демографические перспективы России. М., 2008, с. 408—410.

² Подробнее см.: Л. С. О к у н е в а. Бразилия: особенности демократического проекта. М., 2008, с.563—768

³ <http://www.infolatam.com/2013/07/09/el-tsunami-de-brasil/>

⁴ <http://www.infolatam.com/2013/07/09/el-tsunami-de-brasil/>

⁵ The Financial Times. London, 09.VII.2013.

⁶ Фраза из доклада видного бразильского дипломата, экономиста и политолога С.Пиньейру Гимараэша.

⁷ <http://www.infolatam.com/2013/07/09/el-tsunami-de-brasil/>

⁸ А. В. С е р г е е в а. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005, с. 261.

⁹ R. V e l a s c o. Las Cloacas de la economía. Madrid, 2012, p. 59.

¹⁰ <http://www.infolatam.com/2013/10/30/descartan-intervencion-de-fuerza-policia-en-s>

¹¹ <http://infolatam.com/2014/07/01/la-permanencia-de-la-corrupcion-en-latinoamerica/>

¹² Ibidem.

¹³ Р.Ль ю и с. Столкновение культур. М., 2014, с. 567.

¹⁴ <http://infolatam.com/2014/04/21/las-tasas-de-homicidios-e-de-impunidad-en-america-latina-segun-naciones-unidas/print/>

¹⁵ Report on Drug Use in the Americas, 2011. — http://www.cicad.oas.org/oid/pubs/DrugUse_in_Americas_2011_en.pdf

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ <http://www.newsru.com/russia/17sept2013/drugs.html>